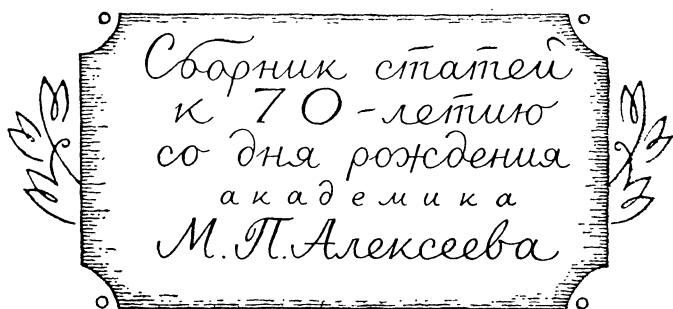

Академик
МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКО- ЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

Редакционная коллегия:

П. Н. Берков, А. С. Бушмин, В. М. Жирмунский

Ответственный секретарь

Ю. Д. Левин

М. П. АЛЕКСЕЕВ — ИСТОРИК И ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ

1

В последние годы все чаще приходится слышать жалобы на то, что мы, литературоведы, еще не умеем писать литературоведческие исследования о своих современниках — историках и теоретиках литературы. Нам гораздо легче создать историко-литературный портрет какого-либо писателя прошлого и даже нынешнего века, чем проанализировать литературоведческую деятельность своего коллеги, за работой которого мы внимательно следим, книги, статьи и рецензии которого мы систематически читаем, а доклады и другие публичные выступления часто или регулярно слушаем. Не умея писать о литературоведах литературоведчески, мы обычно излагаем свои представления о том или ином критике, теоретике или историке литературы путем хронологически или тематически расположенного пересказа списка его печатных работ, в лучшем случае сопровождая передачу фактического материала чужими или своими критическими замечаниями или отзывами авторитетных органов прессы. Как правило, статьи о литературоведах, включая сюда и рецензии на их книги, посвящены не самим литературоведам, а тем проблемам и темам, которые они разрабатывают, авторам, которых они изучают, произведениям, которые они анализируют.

Конечно, определять круг тем, привлекающих внимание литературоведа, безусловно необходимо. Отбор анализируемого материала, узость или широта научной тематики, которую разрабатывает изучаемый нами литературовед, характеризуют его «исследовательское лицо» в первую очередь. Читатель легко отличает историка литературы, всю жизнь занимающегося, к примеру, Пушкиным, Горьким или Маяковским, от исследователя, свободно и глубоко ориентирующегося в материалах всей русской или мировой литературы. Но характеристикой одной только тематики работ литературоведа никак нельзя ограничиться.

Не менее, если не более, важно установить систему литературоведческих взглядов изучаемого исследователя, определить его

теоретическую позицию, уяснить и оценить своеобразие его вклада в методологическую разработку науки в целом или в отдельные ее области. При этом существенно констатировать, применяет ли этот ученый свою литературоведческую методологию однообразно, «стереотипно» или его теоретические воззрения развиваются, усложняются, утончаются. Констатировать все это необходимо не просто для самого факта установления, а для того чтобы иметь возможность определить, что дало науке применение этих методологических принципов, чем оно обогатило наши представления, наше понимание литературного процесса в целом или в отдельных его проявлениях.

Вслед за вопросами методологии, на которой строится научная работа изучаемого нами литературоведа, должны быть определены приемы анализа, применяемые им, его научная методика, его исследовательская техника; должна быть установлена степень полноты и точности приводимых им фактов, делаемых им библиографических и археографических ссылок, включаемых им в текст цитат; должно быть выяснено и проверено, в какой мере правильны, убедительны выводы, к которым приводят выработанные им методологические принципы и методические приемы.

Наконец, следует отдать себе отчет, как пишет, как работает изучаемый автор: увлеченно, страстно, полностью погружаясь в анализируемый материал, или спокойно, методически, может быть даже равнодушно, переходя от одной темы к другой, от одного писателя или произведения к другому, от одной проблемы к другой. Нужно попытаться открыть, для кого он пишет: для себя, чтобы выяснить привлечшие его внимание нерешенные вопросы науки или определить значение им самим найденных, ранее неизвестных литературных фактов, или для узкого круга специалистов, или, наконец, для широкой аудитории, будучи уверенным, что собранные им материалы и данное им освещение представят интерес и главное будут полезны его читателям.

Только в совокупности ответов на перечисленные вопросы может быть, на наш взгляд, получен литературоведческий портрет историка литературы. Однако при этом необходимо будет помнить, что при всем индивидуальном характере своего научного развития историк литературы всегда связан с какими-то литературоведческими традициями, принадлежит к определенному научному поколению, как человек своей эпохи и своего народа зависит от того, что принято называть текущей историей, иными словами — живет своей современностью и на своем научном участке решает выдвигаемые жизнью задачи; вернее — сам под воздействием традиций, образа мыслей своих современников, увлекающего его потока исторических событий выдвигает и решает некоторые научные задачи. Чутье ученого подсказывает ему, какие проблемы и темы существенны для современного этапа развития науки, как, в каком направлении следует их решать, какими материалами необходимо

в соответствующих случаях пользоваться; чутьем писателя-художника он угадывает, какую форму должно придать тому или иному исследованию, книге, статье, рецензии, заметке, отзыву. Таким образом, «литературоведческий портрет» какого-либо историка литературы должен, с одной стороны, показать его в связях и отношениях с эпохой, с другой — раскрыть его научное своеобразие.

2

Нет необходимости излагать здесь биографические сведения о М. П. Алексееве — они, с одной стороны, достаточно известны,¹ с другой — не дают ответа на ряд вопросов, естественно возникающих при изучении творческого пути любого исследователя, и прежде всего, о том, как и почему он избрал данную, а не какую-либо другую научную специальность. Без автобиографических свидетельств мы никак не сможем понять, как первоначально получивший специальное музыкальное образование, написавший множество музыкально-критических статей в киевских, саратовских и одесских газетах 1915—1920 годов, М. П. Алексеев стал историком и теоретиком литературы, заняв место в первом ряду советских литературоведов.

Не умея и не имея возможности ответить на этот вопрос, мы можем только указать, что уже в 1918 г. в докладе «И. С. Тургенев и музыка» М. П. Алексеев выступил как зрелый, превосходно эрудированный литературовед и что музыковедческая тематика, занимавшая в последующее десятилетие еще довольно видное

¹ Литературная энциклопедия, т. 1, изд. Ком. Академии, 1929, стр. 660; К XXX-летию научно-литературной деятельности профессора Ленинградского государственного ордена Ленина университета М. П. Алексеева. Л., 1946, 11 стр. (ГПБ); А. А. Смирнов и Б. Г. Резнов. Профессор М. П. Алексеев. Вестн. ЛГУ, 1946, № 3; стр. 121—122; П. Н. Берков. 1) Член-корреспондент Академии наук СССР М. П. Алексеев. Там же, 1946, №№ 4—5, стр. 208; 2) Член-корреспондент М. П. Алексеев. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. 15, 1956, вып. 5, стр. 457—459; Михаил Павлович Алексеев. Список научных печатных работ. Л., 1956, 35 стр. (ГПБ); Ленинград. Энциклопедический справочник. М.—Л., 1957, стр. 416; Большая советская энциклопедия, изд. 2, т. 51, 1958, стр. 12; Малая советская энциклопедия, изд. 3, т. 1, 1958, стр. 267—268; Украинская советская энциклопедия, т. 1, Київ, 1960, стр. 162; H. Raab. Laudatio für M. P. Alexeev aus Anlaß der Verleihung der Doktorwürde. Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Jahrg. 9, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, H. 1, SS. 1—4; А. Ларин. Вручение почетного диплома академику М. П. Алексееву. Русская литература, 1960, № 4, стр. 245—247; Краткая литературная энциклопедия, т. 1, М., 1962, столб. 143—144; The International Who's who, ed. Europe Publications. London, 1962 (то же: 1963, 1964, 1965). J. Lewin. Das sowjetische Akademiemitglied Michail Alekseev und sein Buch über die englische Literatur. Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1963, H. 2, SS. 189—194; Marcel Durry. Eloge de M. P. Alekseev. Annales de l'Université de Paris, 1964, № 4, pp. 498—500; В. М. Абрамкин и А. Н. Лурье. Писатели Ленинграда. Биобиблиографический указатель. Л., 1964, стр. 15—16.

место в его литературной деятельности, затем уступает истории и теории литературы и лишь изредка вновь всплывает на поверхность, помогая решению чисто литературоведческих задач («Английский трактат XVIII века о поэзии и музыке», 1939). Уже в первые годы своей научной работы М. П. Алексеев наряду с русской литературой стал уделять много внимания западным литературам и вопросам международных литературных отношений. С тех пор им было опубликовано свыше 250 исследований, из которых более трети посвящено русской литературе, четверть (62) английской, одна десятая (23) французской, затем немецкой, испанской, итальянской, славянским, включая ряд статей специально о польской литературе, а также венгерской, бразильской и пр. Характерной чертой этих исследований является широкая постановка сравнительно-исторических проблем и исключительное богатство и свежесть привлекаемых фактов.

Принадлежащий к поколению советских литературоведов, родившихся в 1890-х годах, в число которых входят такие выдающиеся ученые, как здравствующие В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, и покойные Е. Э. Бертельс, Б. В. Томашевский и др., М. П. Алексеев своей ни с чем не сравнимой эрудицией бесспорно выделяется среди всех перечисленных современников. Если бы я не был материалистом и врагом всяческой мистики, я сказал бы, что в эрудиции М. П. Алексеева есть что-то сверхъестественное. Один советский литературовед полушутливо утверждает, что М. П. Алексеев «знает все, и даже больше».

Эта «нечеловеческая» эрудиция дает ему возможность оснащать свои работы таким исчерпывающим обилием фактического материала, приводимого к тому же с такой безупречной точностью и документированностью, что тем самым совершенно исключается какая бы то ни была неполнота и неубедительность аргументации.

Однако эта эрудиция, как бы неповторима она ни была, не характеризует целиком научного облика М. П. Алексеева. В его исследовательской системе блестящая эрудиция занимает место не сама по себе, а как доказательное средство решения волнующих его, привлекающих его научных проблем, в объективном значении которых он глубоко убежден и в необходимости раскрытия которых он не сомневается. На примере М. П. Алексеева мы можем вновь и вновь подтвердить старое наблюдение, что большой ученый обладает удивительной способностью видеть в конкретном материале никем до него не замеченные научные проблемы и даже в самой, казалось бы, насквозь «фактической» работе решать какие-то существенные вопросы методологического порядка. В каждом исследовании М. П. Алексеева, какой бы специальный характер оно ни имело, всегда анализируется та или иная теоретическая проблема литературной науки, конечно из круга, близкого его методологическим интересам.

Занимаясь в основном международными литературными отношениями, М. П. Алексеев, естественно, должен был остановить внимание на таких сравнительно малоизученных теоретических вопросах, как психология восприятия литературного произведения в иноязычной читательской среде, как возможности и границы литературного перевода, как смена представлений, требований и принципов художественного перевода. Эти и ряд других почти не разработанных в науке вопросов поставлены и оригинально решены М. П. Алексеевым в статьях «Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия» (1946), «Проблема художественного перевода» (1931) и «Перевод. История перевода в западноевропейской литературе. История перевода в России» (1934).²

В то же время научную пылкость М. П. Алексеева привлекали, с одной стороны, общетеоретические проблемы, как например соотношение между экономическим состоянием общества и литературой, и с другой — взаимосвязи и разграничения между литературами. К этой группе работ М. П. Алексеева относятся перевод книги К. Бруннера «Хозяйственное положение и литература» (1930) с предисловием и примечаниями к ней, статьи: «К истории понятия „английская литература“» (1946), «Славянские литературы и их роль в истории мировой культуры» (1958) и др. Широкие умственные течения и конкретные литературные направления также обращали на себя внимание М. П. Алексеева: «Бытовой реализм» (в «Истории французской литературы») (1946), «Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси XVI—XVII вв». (1958) и др.

Во всех своих этюдах, очерках, исследованиях М. П. Алексеев исходит из «учения о единстве литературного процесса и о закономерностях развития мировой литературы». Задачей литературной науки он считает изучение «как общих проблем параллелизма литературного развития, так и конкретных фактов международных воздействий в области литератур». «Все отчетливее выясняется, — пишет М. П. Алексеев, — что вполне изолированных друг от друга национальных литератур не существует, что все они взаимосвязаны то общностью своего происхождения, то аналогиями в своей эволюции, то наличием существующих между ними непосредственных отношений и взаимовлияний, то, наконец, двумя или тремя указанными условиями одновременно в их разнообразных возможных сочетаниях» («Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия»).

Однако теоретические проблемы литературоведения М. П. Алексеев решает не только в специальных методологических работах.

² Ссылки здесь и в дальнейшем опускаются. См. список печатных работ М. П. Алексеева, изданный Гос. Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Л., 1956).

Как уже было сказано выше, каждая его статья, даже заметка, в той или иной форме вскрывает новый аспект изучения вопроса или по-новому иллюстрирует какое-либо принципиальное литературоведческое положение. М. П. Алексеев так привык к подобному характеру своих работ, что даже не считает нужным указывать в их заглавиях проблему, рассматриваемую в той или иной статье, докладе, заметке. Это может подчас ввести в заблуждение читателя, недостаточно знакомого с исследовательской манерой М. П. Алексеева и полагающего возможным судить о его работах по одним только их заглавиям. Например, большую статью, целую книгу в семь печатных листов, предпосланную в качестве введения к сборнику «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний» (1960) и названную «Из истории русских рукописных собраний», по заглавию легко принять за архивоведческую работу, представляющую интерес лишь для специалистов-архивистов, в крайнем случае — для литературоведов-источниковедов. Между тем это не только статья, поразительно богатая фактическими сведениями о распространенной в России в первой половине прошлого столетия моде на альбомы и коллекции автографов, а также о международных литературных контактах русских писателей XVIII—XX вв., но и остроумнейшее, неотразимо убедительное исследование о конструктивной роли рукописных памятников, «позволявших и Пушкину, и людям его поры видеть и ощущать прошлое как сопереживание, как подлинную реальность, чувствовать то „очарование древностью“, о котором русский говорит испанцу в пушкинском отрывке „Гости съезжались на дачу“ (1828—1829)».³

Мне представляется, что притягательная сила работ М. П. Алексеева — будь это «Англо-саксонская параллель к „Поучению“ Владимира Мономаха» (1935), «Пушкин и Китай» (1937), «Вольтер и русская культура XVIII века» (1947) или «Вольтер Скотт и „Слово о полку Игореве“» (1958) или любая другая — состоит в том, что для него литературоведческий материал этих статей не просто один или несколько «неизвестных» фактов, а средство «видеть и ощущать прошлое как сопереживание, как подлинную реальность, чувствовать ... „очарование древностью“ ...». Эта увлеченность автора открытым материалом, его внутренним смыслом, поэтическим ароматом, это «очарование древностью» невольно передаются читателю, если только он способен относиться к науке как к искусству. Поэтому равнодушно читать написанное М. П. Алексеевым нельзя. Вы сразу, с первых строк чувствуете, что вас так же, как и его, захватывает постав-

³ Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.—Л., 1960, стр. 111.

ленная задача, что вы так же заинтересованы темой, так же осознали важность анализируемой проблемы. Вероятно, чаще, чем у кого-либо из литературоведов его поколения, у М. П. Алексеева встречаются слова «интересно», «любопытно», «заманчиво» и наряду с ними в постоянном сочетании — «важно». Некоторые авторы нередко высказываются против употребления ораторами и писателями подобных «оценочных», как они говорят, слов: «Ему „интересно“ или „любопытно“, а мне неинтересно и нелюбопытно». Я думаю, что эти литературоведы не вполне правы. Конечно, не существует единого критерия «интересности» или «любопытности», и то, что представляется таким одному человеку, другому может показаться совершенно неинтересным и нелюбопытным. Из этого, однако, вовсе не следует, что прав тот, кому неинтересно и нелюбопытно, что именно его вкус и отношение являются истинным мерилom, непререкаемой нормой. В конечном счете решение вопроса зависит от читателя, степени его подготовленности, близости к кругу интересов автора, способности проникаться настроениями исследователя. Поэтому можно с полной уверенностью сказать, что для определенной категории читателей то, что М. П. Алексеев считает «интересным», «увлекательным», «заманчивым», «любопытным», «важным», — действительно интересно, любопытно и важно. М. П. Алексеев принадлежит к немногочисленной категории исследователей-художников, отдающих изучаемому вопросу пыл, увлеченность, непосредственность чувства.

Подобное отношение к собственному творчеству заметно выделяет М. П. Алексеева из числа других советских историков литературы. Больше того: эта постоянная взволнованность, увлеченность изучаемым вопросом определяет даже применяемые им приемы исследования. У него нет такого положения, чтобы одним и тем же способом, одним и тем же подходом решались все вопросы, возникающие в процессе работы. Характерно в этом отношении признание самого М. П. Алексеева в предисловии к книге «Из истории английской литературы. Этюды, очерки, исследования» (1960): «Автор стремился содействовать лучшему пониманию английской литературы на всем протяжении ее истории и внести свой вклад в изучение особо заинтересовавших его явлений этой литературы, которые, как ему казалось, должны быть полнее и отчетливее известны в нашей стране. Литературные факты рассматриваются в книге в разных аспектах: то в связи с идейным развитием Западной Европы в период Возрождения («Славянские источники „Утопии“ Томаса Мора»), то в соотношении своем с народным творчеством («Байрон и фольклор»), то в тех соприкосновениях, которые иногда обнаруживают они с прочими искусствами, например с музыкой («Английский трактат XVIII века о музыке и поэзии») или живописью («Теккерей — рисовальщик»), и т. д.».

Заинтересованное, «личное», так сказать, отношение М. П. Алексева к любому изучаемому предмету с особенной отчетливостью обнаруживается в потоке вопросов, который он обрушивает на анализируемый факт, подвергая его всестороннему рассмотрению. Вот первый попавшийся на глаза пример. В статье о «Видении о Петре Пахаре» Вильяма Ленгленда М. П. Алексеев пишет: «Одним из наиболее спорных моментов в текстологической интерпретации поэмы является вопрос о тех отношениях, в каких находятся друг к другу три ее редакции. Можно ли считать первую редакцию (А) ранним, еще сжатым и несовершенным, наброском того произведения, которое сам автор расширил и обработал пятнадцать лет спустя? Не является ли она, как склонны думать другие исследователи, сокращенной обработкой более полной редакции? Где и кем выполнена третья редакция, если автор умер около 1377 года, а в тексте С есть прямые указания на события 90-х годов XIV века? Если к поэме, хотя бы в этой наиболее пространной форме, прикасалась чужая рука, то в каком виде „Видение“ вышло из-под пера самого автора? Возникли ли все три редакции из одного общего источника? Имеем ли мы дело с произведением, единым по замыслу, или же с объединением в одно целое ряда отдельных произведений, принадлежащих одному автору, но написанных им в разные годы жизни? Кто был их компилятор? Был ли это сам Ленгленд, или безымянные переписчики вроде случайно ставшего нам известным Джона Бута?.. Все эти загадки допускают различные решения».

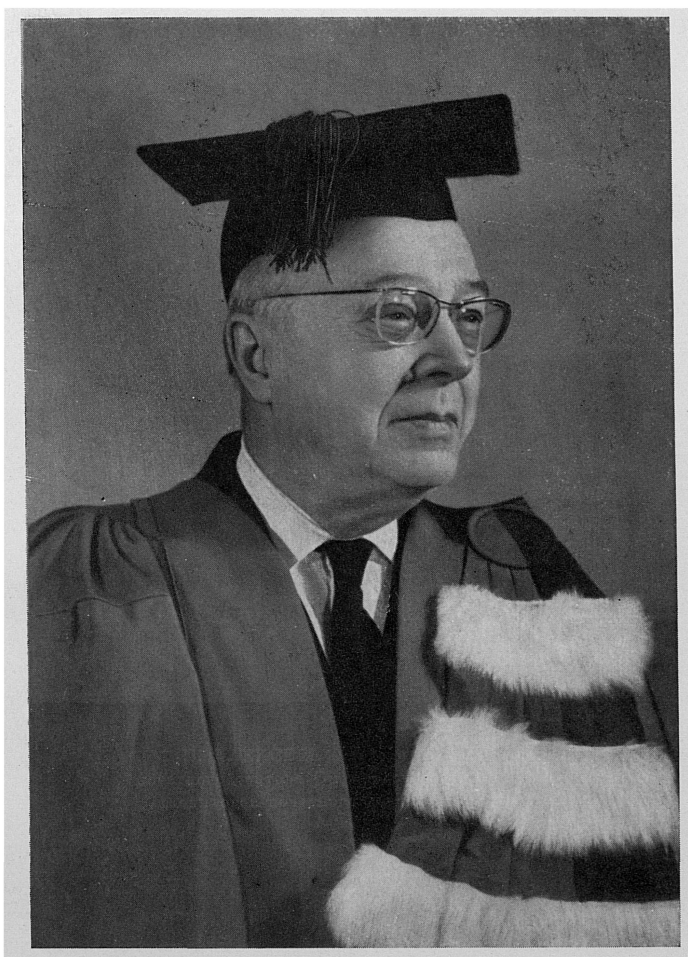
Другой прием авторской заинтересованности, не менее характерный для исследовательской манеры М. П. Алексева, заключается в частом применении обширных примечаний, представляющих своеобразные «литературоведческие протуберанцы», особые «экскурсы в сторону», лишь косвенно связанные с основной темой работы, но всегда интересные неожиданностью сопоставлений, глубиной и доказательностью анализа, ощущением полезности и целесообразности подобных «отклонений», обогащающих науку. Ограничусь одним примером. На стр. 235 книги «Из истории английской литературы» М. П. Алексеев в подстрочном примечании говорит о «довольно вероятном предположении», что знаменитый трактат Джона Броуна «Оценка нравов и принципов времени» мог быть известен и в определенном смысле мог подсказать русскому дворянскому публицисту XVIII в. М. М. Щербатову, автору книги «О повреждении нравов в России», «мысль исследовать „поврежденность“ нравов целой страны». Это примечание, как и многие другие, повторяю, не имеет прямого и непосредственного отношения к тексту исследования и, с точки зрения строгой архитектоники литературоведческой работы, отяжеляет ее, отвлекает внимание читателя от основной мысли статьи, но только неисправимый педант стал бы упрекать М. П. Алексева за подобные маленькие сверкающие экскурсии. Чувствуется, что

в процессе работы у автора, словно электрические токи, пробежали нити логического рассуждения от главной темы исследования к богатейшим россыпям его эрудиции и по принципам пока еще не установленной научной *Wahlverwandtschaft* отыскиали близкие и нужные материалы; особо заняться ими времени и, возможно, случая не будет; так пусть догадка или несомненность сохранятся хотя бы в форме большого примечания, за которое кто-нибудь когда-нибудь поблагодарит исследователя.

Говоря о том, что М. П. Алексеев овладевает вниманием читателя с первых же строк любой своей работы, мы имели в виду остроту, новизну, свежесть приводимых им материалов или яркую неожиданность в постановке вопроса. Однако читателя восхищает в этюдах и исследованиях М. П. Алексеева не только содержательная, смысловая сторона, но и исключительная художественность изложения. И опять-таки, несмотря на то что почти все перечисленные выше сверстники М. П. Алексеева — блестящие стилисты, никто из них не может сравниться с ним в мастерстве владения словом. Нет сомнения в том, что юношеский период увлечения музыкой оставил на прозе М. П. Алексеева неизгладимый след и в композиционном, и в словесно-звуковом отношениях.

В статье «Теккерей-рисовальщик» (1936) М. П. Алексеев писал: «Теккерей прекрасно понимал также, что одна живописная деталь часто говорит больше законченного портрета». Для меня несомненно, что мой «литературоведческий портрет» М. П. Алексеева не может считаться сколько-нибудь законченным. Но я также не вполне уверен, удалось ли мне найти хотя бы одну живописную деталь.

П. Н. Берков.

М. П. АЛЕКСЕЕВ в тоге и головном уборе
почетного доктора Оксфордского университета
с эпитогой почетного доктора Сорбонны.